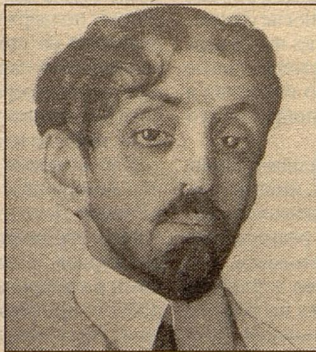

ПОЭЗИЯ

Раненое море

К выходу «Стихотворений» Михаила Кузмина
(Санкт-Петербург, 1996. Новая библиотека поэта).

Михаил Кузмин. Портрет работы Константина Сомова, 1909 г.

Сто лет назад один французский писатель сказал: «День, когда я мог прочесть сонеты Эредиа собранными в одном томе, был одним из счастливейших в моей жизни». Место Михаила Кузмина в русской поэзии, вероятно, даже более важное, чем Эредиа во французской. Но о полноте издания Кузмина нам долго пришлось мечтать. И вот чувствую себя счастливым обладателем большого кузминского тома, подготовленного Н. Богомоловым. В него вошли и «Новый Гуль», и сомнительные «Занавешенные картины», и даже (велика ныне свобода нравов) некоторые непристойные варианты. Впрочем, издается же в собрании сочинений Пушкина «Гавриилиада». И все же, если так можно выразиться, **полной полноты** нет, но это уж судьба поэта, который записал в дневнике: «Поспею ли я показать волшебство, что еще копится во мне?»

Могу сказать, что стал очевидцем исторического мгновения. Судьба, воплощенная в образе старой женщины в вязаной кофте и мощных очках, вошла в один из кабинетов «Огонька» и спросила: «Кому Кузмина с вычитки?» Корректорша потрясла версткой трех пленительных стихотворений, и первое — «Мои предки»: «Все вы, все вы — вы молчали ваш долгий век, и вот вы кричите сотнями голосов, погибшие, но живые».

Кузминянцы были всегда сплоченным воинством. О Кузмине написано немало. Лучшее (если не говорить о вдохновенной и почтительной речи Блока, читающей, как стихи) сказано Анненским. Гениально невообразимое сравнение Михаила Кузмина с Тарасом Шевченко. Называя лиризм Кузмина «изумительным по музыкальной чуткости», Анненский сожалеет, что не дано русскому поэту веры, подлинной, проливающей чистые слезы...

...Увы, обычная судьба просто талантливо-го автора — первоначальный успех, затем — самовопределение и дробление. Но Кузмин — совсем иной в каждом сборнике и цену каждого знал. В конце жизни «пятеркой» он оценил первый и последний. Между книгой «Сети» и книгой «Форель разбивает лед» — переходная бездна, но обе — совершенство. Два разных бытия, но там и тут — глубина, артистическая тонкость, неистощимость звучаний, живость, жизненность. Слово Кузмина удивительно многослойно. Но странная особенность: часто у него не было именно первого, «защитного» слоя, способности нравиться всем, легкой доходчивос-

ти. Казалось, он — для немногих и навсегда останется «камерным»... В уцелевших поздних стихах всегда существующий у Кузмина второй план оказался остросовременным. Наконец возникла (не «шевченковская» ли?) злая горечь. Таково, например, явно антибольшевистское стихотворение «Не губернаторша сидела с офицером». Таково дивные «Переселенцы», сохраненные памятью современника. Непринужденный, меланхолический рассказ о заселении Нового Света английскими поселенцами. Но сказано и о гибели цивилизации, о социальном строительстве, при котором болота осушаются костями. О дороге, «где палка с надписью «Проспект побед». Велико воздействие этих стихов на русскую поэзию века до Бродского и Рейна включительно.

Советские литературоведы, не спросив, относили Кузмина к акмеистам, но он был как-то сам по себе. Иное дело, что Кузминным было предвосхищено многое в практике тех акмеистов, что смогли перерасти первоначальные требования своего устава. Акмеизм — «тоска по мировой культуре», Кузмин — ступок мировой культуры. «Слиток поэзии», — сказал мне о вышедшем томе Е. Рейн. Я согласился.

Конечно, у Кузмина на протяжении всей своей жизни многому научился Ахматова, как бы это ни отрицалось. Признаться, не вижу в учебе предосудительного. Не умалилось величие Ахматовой, поднявшей ношу, которая Кузмину была бы не по силам. Было бы на что влиять, а в поэзии важны оригинальные характеры... Кузмин предугадал и опередил поиски всех основных поэтических направлений. И поэмы Хлебникова, и «ирои-комическую» фантастику «Столбцов» Заболоцкого, и довлеющее над смыслом совершен-

ство музыкальных форм Хармса, и даже заумь. Прислушивались к Кузмину конструктивисты. С годами обнаружилась близость исканий Кузмина и Пастернака. И даже будущий певец «Персидских мотивов», в лучшую свою пору следовавший советам Клюева, счел полезным для себя послушать Кузмина. Думаю, Есенин знал не только стихи, но и статьи автора «Персидского вечера».

Будучи «живым, и только, до конца», Кузмин сам испытал влияние младших поэтов, прежде всего Хлебникова, Маяковского, Пастернака. Но поэзия — «общее дело» (воспользуемся федоровским выражением). Есть неслучайные духовные связи: влияние прозы Кузмина на Кафку и влияние прозы Густава Мейринка на лирику Кузмина... Петербург — Прага — Петербург.

Стихи Кузмина насыщены культурой, но в них — сама жизнь. Уже в старости, лишившись заработка, Михаил Алексеевич собрался заняться неизбежными тогда грузинскими переводами. В письме тбилисскому издателю он просил стихов не метафорических, не богатых внешними красками, но внутренне драматических.

Думаю, что у Ахматовой, занимавшейся исследованием обстоятельств пушкинских дуэли, были личные, мистические причины для этой работы. В искривленном гофмановском зеркале искусства на многоугольнике коллизии «Геккерен — Дантес — Полетика — Александрина — Наталья Николаевна — Пушкин — царь» наплывало не менее сложное построение «Кузмин — Князев — Радлова — Судейкина — Ахматова — Блок — революция»... Где-то недалеко мерещилось и противостояние: Моцарт — Сальери. Но Кузмин не был ни Геккереном, ни Сальери. Не сердцевина ли русского Серебряного века — моцартианство его

словесной музыки, торжество его ритмики, чудо белых стихов и «верлибров»!

Много таинственного на свете. Учащенным шагом проходя мимо консерватории, где на скамейках перед памятником Чайковскому порою сидят в обнимку юноши, мысленно посылаю привет и еще ускоряю шаг. Знаю, но не хочу думать о том, что любовь, воспетая в некоторых шедеврах музыки и поэзии, — любовь однополая. В конце концов, «не хочу, наконец, не желаю» препарировать кузминскую строку «И будить мне не хочется брата», когда само стихотворение «По зеленому морю летит пароход» — из лучших, написанных на русском языке. И что мне до ситуации, изображенной в «Первом ударе» книги «Форель разбивает лед», когда и книга гениальна, и выше возможных похвал строка «В оркестре пело раненое море»! В ахматовской «Поэме без героя» Кузмин изображен неким демоном зла. Но ведь прежде всего он — поэт, обаятый «высокой болезнью»! И что нам нарочитость его жилетов, наигранность реакционных взглядов и дружба с большевистскими педерастами — Чичериным и Менжинским!.. Живет в сердце веселое имя поэта.

Когда-то запуганный и замученный Константин Коровин писал советским чиновникам, ведавшим искусством, что от него была «одна радость». Об авторе «Александрских песен» можно сказать то же и еще в большей степени. Закат его был нерадостен, но под самый конец «повезло» — он умер перед волной больших репрессий. Сказала Ахматова: «Смерть его в 1936 году была благословением...»

Стихов потерянных жалко... В отечественной поэзии бывали горестные потери. Думаешь сокрушенно о стихотворениях, которые Пушкин сочинял ночами и пытался читать сонной Наталье Николаевне, но она ворчала, и слова забывались. Горюешь о кинутих в печку стихах Батюшкова и Грибоедова, о погибших страницах Тютчева и Мандельштама, об утраченной поэме Заболоцкого... Многие произведения позднего Кузмина в опровержение обнадеживающей булгаковской формулы пеплом вылетели из труб Лубянки. Смотришь на немые трубы, в пустое небо. Есть творения, имеющие «небесные» прототипы, но, увы, землею не востребованные и возвратившиеся в те же небеса.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Кузмин Михаил

12-15.01.97